

Следя губами по гладкой коже, Цин Чэн постепенно опускался всё ниже. Слушая тихие стоны, которые нет-нет да срывались с губ лежащего под ним человека, и видя, как тот очаровательно прикрывает рот ладонью, Цин Чэн невольно пришел в отличное расположение духа. Однако, вспомнив о яде, который еще действовал в его теле, он замер, нахмурившись. Цин Чэн приподнялся и приказал Е Цзымину отвернуться.

Е Цзымин, всё еще одурманенный недавними поцелуями, послушно повернулся спиной. Уголки губ Цин Чэна слегка приподнялись, но тут же он вновь помрачнел. Закусив губу, он взял мазь, которую прихватил у Е Цзымина, и нанес её на свое тело.

В своё время, когда его тело впервые отозвалось на Июня, Цин Чэн тайком изучал трактаты на эту тему. Он и подумать не мог, что впервые разделит постель с мужчиной не со своим возлюбленным Июнем, а с тем, кого знал всего один день. Рядом с этим глупцом он и сам стал каким-то странным.

Е Цзымину стало любопытно, что же делает позади него Цин Чэн. Время от времени до него доносились странные звуки, до боли напоминавшие его собственные стоны, отчего лицо Е Цзымина вспыхнуло, а щеки обдало жаром. В конце концов, этот любопытный простака решил, что если он только одним глазком взглянет, а потом тут же отвернется обратно, никто ничего не заметит. Но стоило ему бросить этот взгляд, как он уже не смог отвести глаз и застыл на месте, словно пораженный громом.

Цин Чэн сидел на коленях на краю каменной кровати. Его одежды были распахнуты, обнажая стройную, светлую, но при этом крепкую грудь. Лицо его заливал яркий румянец, а самым поразительным было то, что два его пальца всё еще оставались внизу, в сокровенном месте.

Е Цзымин никогда прежде не видел ничего столь соблазнительного. Даже несмотря на то, что его воспоминания о прошлом почти стерлись, он был готов поклясться, что это самое притягательное зрелище в его жизни — без всяких сомнений.

— Кто позволил тебе поворачиваться? — Цин Чэн в панике вытащил пальцы, но не смог сдержать короткого стона, после чего бессильно повалился на каменную кровать, охваченный неловкостью. Цин Чэн был уверен: это самый постыдный момент в его жизни, определенно самый постыдный.

— Сяо Чэн, ты такой красивый, — Е Цзымин, резко развернувшись, тут же заключил в объятия обмякшее тело Цин Чэна и поцеловал его фениксовы глаза, в которых блеснули непролитые слезы. — Разве тебе не противно? Неужели ты не считаешь это мерзким? — прижимаясь к его груди, хриплым голосом спросила Цин Чэн.

— С чего бы? Ты такая красивая. К тому же теперь я знаю, что нужно делать, — целуя её, Е Цзымин повторил недавние движения Цин Чэн, развязал на ней одежду, а затем обнял сзади и тихо шепнул прямо на ушко: — Теперь можно, Сяо Чэн?

Увидев, как Цин Чэн едва заметно кивнула, Е Цзымин наконец перешел к делу.

В конце концов Е Цзымин излил семя внутри Цин Чэн. Обнимая её, он виновато произнес:

— Прости, Сяо Чэн, не смог сдержаться.

И тут же крепко уснул. Цин Чэн лишь тяжело вздохнула: вообще-то снизу была она, так почему же в итоге устал именно он?

Цин Чэн убрала с себя его руку, немного поколебалась, но в итоге не стала просто сбрасывать её — лишь бережно опустила на постель. Поднявшись, она привела себя в порядок и медленно направилась циркулировать ци: яд и впрямь казался полностью выведенным, к ней вернулось прежнееL силы.

Вспомнив то, что только что произошло, Цин Чэн снова покраснела. Посмотрев на мирно спящего на каменной кровати человека, она чуть помедлила, а затем прилегла, протянула руку и прижала Е Цзымина к своей груди, но вдруг почувствовала что-то неладное.

Цин Чэн приложила руку ко лбу обнимающего её человека — тот был обжигающе горячим. Вспомнив, что Е Цзымин тоже выпил тот яд, а теперь ещё и инстинктивно прижался к ней в ответ, она поняла: судя по всему, яд дал о себе знать. Уголки губ Цин Чэн чуть приподнялись, она поцеловала Е Цзымина, заодно притянув брошенную в сторону баночку с мазью.

В конце концов Е Цзымин проснулся от поцелуев. Не успел он и слова сказать, как почувствовал прохладу внизу, его мысли мгновенно спутались, и он полностью отдался во власть движений Цин Чэн. Про себя он подумал, что об этом случае никому и никогда нельзя рассказывать.

Этой ночью Цин Чэн впервые потеряла рассудок — такого чувства она не испытывала даже рядом с Июнем. Приведя в порядок тело в третий раз уснувшего Е Цзымина и проверив, не причинила ли она ему боли своими действиями, Цин Чэн без дальнейших колебаний обняла Е Цзымина и погрузилась в сон, чувствуя невиданное доселе спокойствие и легкость.

<http://bllate.org/book/21940/2279391>